

ГАРРИ ГАРРИСОН,
ДЖОН ХОЛМ

Молот и крест

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445
Г 21

Harry Harrison
THE HAMMER AND THE CROSS
Copyright © 1993 by Harry Harrison
All rights reserved

Публикуется с разрешения наследников автора
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского Алексея Смирнова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Сергея Шикина

Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

- © А. К. Смирнов, перевод, 2015
- © В. В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2015
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-19098-6

Qui kredit in Filium, habet vitam aeternam; qui autem incredulus est Filio, non videbit vitam, sed ira Dei manet super eum.

Верующий в Сына имеет жизнь вечную; а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем.

Евангелие от Иоанна, 3: 36

Angusta est domus: utrosque tenere non poterit. Non vult rex celestis cum paganis et perditis nominatenus regibus communionem habere; quia rex ille aeternus regnat in caelis, ille paganus perditus plangit in inferno.

Дом тесен: ему не вместить обоих. Царь Небесный не хочет водиться с проклятыми и языческими так называемыми царями; ибо только один Вечный Царь правит на небесах, а остальные проклятые язычники стонут в аду.

Алкуин, дьякон из Йорка, 797 г.

Gravissima calamitas umquam supra Occidentem accidens erat religio Christiana.

Величайшее бедствие, выпавшее на долю Запада, — это христианство.

Гор Видал, 1987 г.

Книга 1

Трэлл

ГЛАВА 1

Северо-восточное побережье Англии, 865 г.

Весна. Рассвет на мысе Фламборо-Хед, где нагорье Йоркшир-Уолдс вдается в Северное море, как гигантский рыболовный крючок весом в миллионы тонн. Оно указывает на морской горизонт, напоминает о вечной угрозе, исходящей от северян. Теперь против этой напасти нехотя начали объединяться правители карликовых королевств, неверные и завистливые, хранящие память о давней вражде и кровавом следе, который протянулся за англами и саксами за те века, что миновали с их появления в здешних краях. Гордые разжигатели войны, что повергла Уэльс; благородные воины, которые — как рекут поэты — наследовали землю.

Тан Годвин ругался про себя, расхаживая вдоль частотола крепостицы, возведенной на самой оконечности Фламборо-Хеда. Весна! Быть может, в более счастливых краях прибавление дня и светлые вечера означают зелень, цветущие лютики и стада удоистых коров, тяжело бредущих в хлев. Здесь же, на высоте, они означают северо-восточные ветры и равноденственные шторма.

Позади Годвина выстроились в цепь кривые деревца, как повернувшиеся спиной к ветру люди, — каждое на несколько дюймов выше предыдущего; эти природные флюгеры указывали на истязаемое бурей море. С трех сторон как огромный и медлительный зверь шевелилась

серая вода; волны закручивались и пластались под гнетом ветра, который утюжил даже могучие океанические валы. Серое море, серое небо да горизонт, изломанный волнами, и ни единой краски в мире, кроме тех, что проступают в россыпях брызг, когда буруны расшибаются о слоистые обрывы.

Годвин пробыл здесь так долго, что перестал слышать грохот ударов по скале и замечал их, только когда тучи брызг поднимались особенно высоко, так что вода пропитывала плащ с капюшоном и текла по лицу солеными каплями в отличие от пресных дождевых.

Да и какая разница, подумал он тупо. Все тот же холод. Можно вернуться в укрытие, расшвырять рабов и согреть у огня озябшие руки и ноги. В штормовые дни набегов не бывает. Викинги — лучшие моряки в мире, во всяком случае по их словам. Не нужно быть великим мореходом, чтобы понимать: в такую погоду лучше не высовываться.

Ветер дул с востока — нет, прикинул Годвин, с юго-востока. От Дании унесет будь здоров, но как удержать ладью, чтобы не повернула лагом? И как причаливать, если повезет доплыть? Нет, безнадежное дело. Он может спокойно посидеть у огня.

Тоскливо взглянув на хижину, курившуюся дымком, который мгновенно относил ветром, Годвин вернулся к своему занятию — хождению по настилу. Господин хорошо его вымуштровал. «Не рассуждай, Годвин, — сказал он. — Не думай, что нынче могут нагрять, а могут и не нагрять. Не воображай, будто утрата бдительности хоть на миг — пустяк. Пока длится день, оставайся на холме, смотри в оба глаза. Иначе однажды ты подумаешь одно, а какой-нибудь Стейн или Олаф подумает другое, и окажется на берегу, и углубится на двадцать миль до того, как мы его настигнем — если вообще настигнем. А это означает потерю сотни жизней и на сотню фунтов серебра, скота и сгоревших домов. И оброк не будут пла-

тить годами. Поэтому поглядывай, тан, иначе твои же поместья и пострадают».

Так высказался его господин Элла. А позади короля черным вороном сидел над своим пергаментом Эркинберт, и его гусиное перо скрипело, выводя загадочные черные закорючки, которых Годвин боялся больше, чем викингов. «Два месяца служения на Фламборо-Хеде тану Годвину, — возгласил он. — Нести дозор до третьего воскресенья после Ramis Palmarum»¹. Чуждые слова скрепили приказ.

Ему велели смотреть, и он будет смотреть. Но он не обязан стоять трезвым, как чопорная девственница. Повернувшись по ветру, Годвин крикнул рабам, чтоб живо несли горячий пряный эль, которого он потребовал еще полчаса назад. Один мгновенно выбежал с кожаной кружкой в руке. Годвин с глубоким неудовольствием следил, как раб просеменил к частоколу и начал взбираться по лестнице на дозорные мостки. Редкий болван. Годвин держал его из-за зорких глаз, но и только. Этого человека звали Мерла. Когда-то он был рыбаком. Потом случилась лютая зима, улова не было, и он задолжал своим лендлордам — черным монахам из монастыря Беверли, что в двадцати милях отсюда. Сперва он продал лодку, чтобы покрыть долги и прокормить жену и приплод. Потом, когда деньги кончились и есть стало нечего, пришлось продать семью человеку побогаче, а в итоге и самому продаться своим бывшим лендлордам. А те ссудили Мерлу Годвину. Чертов олух! Будь он человеком чести, проданся бы для начала сам и отдал деньги жениной родне, чтобы ее хоть взяли обратно. Будь он крепкого ума, продал бы первыми жену и детей, сохранив лодку. Тогда, глядишь, сумел бы выкупить их назад. Но у него ни ума, ни чести.

---

¹ Полностью Dominica in Ramis Palmarum — Вербное воскресенье (лат.).

Годвин повернулся спиной к ветру и морю и придирчиво осмотрел полную кружку. По крайней мере, раб не прикладывался к ней. Вон как дрожит — сразу видно, что не посмел бы.

И на что же уставилась эта орясина через хозяйское плечо, разинув рот и тыча пальцем в сторону моря?

— Корабли! — возопил Мерла. — Викинги, в двух милях отсюда! Вот снова появились! Смотри, хозяин, смотри!

Годвин машинально развернулся; выругался, когда на рукав плеснуло кипятком, и вперился в тучи и дождь, куда указывал перст. Что там за точка, где облако сходится с волной? Нет, ничего. Или?.. Не рассмотреть толком. Там, вдали, волны вздымаются на двадцать футов — достаточно высоко, чтобы скрыть любой корабль, который пытается со спущенными парусами прорваться сквозь шторм.

— Я вижу их! — снова заблажил Мерла. — Два корабля, в кабельтове друг от друга!

— Ладьи?

— Нет, хозяин, кнорры.

Годвин швырнул кружку через плечо, свирепо впился в тощую руку раба железной хваткой и принялся бить его по лицу — ладонью, тылом кисти, промокшей кожаной перчаткой. Мерла хапал воздух и уворачивался, но не смел прикрыться.

— Говори по-английски, шлюхино отродье! И чтобы понятно было!

— Кнорр, хозяин. Это торговое судно. С глубокой осадкой, для груза. — Раб замялся, страхась и показать себя сведущим, и утаить знание. — Я отличаю по... форме носа. Это, хозяин, наверняка викинги. У нас таких судов нет.

Годвин снова уставился в море, чувствуя, как гнев отступает и сменяется леденящим комком в желудке. Сомнением. Ужасом.

— Слушай, Мерла, — прошептал он. — Мне надо знать точно. Если это викинги, я обязан созвать караулы со всего побережья, всех мужчин отсюда и до Бридлингтона. Правда, это сплошь керлы и рабы — известное дело. Если они оторвутся от своих женушек-гусынь, то невелика беда. Но я обязан сделать еще кое-что. Созвав дзорных, я отправлю гонцов в монастырь, что в Беверли, к монахам доброго Святого Иоанна — твоим господам, не забыл?

Он выдержал паузу, отметив ужас в глазах Мерлы. Тот не забыл.

— А они вызовут конных рекрутов, танов Эллы. Не дело держать их здесь, ведь пираты могут прикинуться, что идут на Фламборо, а сами, покуда таны будут морить лошадей на болоте, обогнут Сперн-Хед и окажутся в двадцати милях отсюда. Поэтому конница остается на месте, чтобы броситься в любую сторону, откуда придет беда. Но если я ее вызову и она помчится через ветер и дождь по прихоти дурака... Особенно если какой-нибудь викинг прошмыгнет через Хамбер¹, когда никто не будет смотреть... Тогда, Мерла, мне придется туго. — Годвин заговорил резче и вздернул заморыша-раба так, что у того ноги оторвались от земли. — Но ты, клянусь всемогущим Богом на небесах, будешь жалеть об этом до конца твоих дней. А он не замедлит наступить после порки, которую тебе зададут. Но если, Мерла, там все же викинги, а я по твоей милости не доложу о них... я верну тебя черным монахам и сообщу, что от тебя никакого толку. Ну, что скажешь? Викинги там или нет?

Раб снова обратился к морю перекошенное от напряжения лицо. Он подумал, что было бы мудрее молчать с самого начала. Какое ему дело до того, что викинги разграбят Фламборо, или Бридлингтон, или сам монастырь

---

¹ Эстуарий рек Уз и Трент.

Беверли? Они не смогут закабалить Мерлу больше, чем есть. Быть может, заморские язычники окажутся лучшими господами, чем местные христиане. Но теперь поздно раздумывать об этом. Он хорошо видит кнорры, в отличие от подслеповатого хозяина, этой сухопутной крысы.

Мерла кивнул:

— Викинги, хозяин. Два судна. В двух милях от берега на юго-восток.

Годвин ушел, выкрикивая распоряжения, созывая рабов, требуя коня, рог и свой маленький строптивый отряд мобилизованных фрименов. Мерла выпрямился, медленно дошел до юго-западного угла частокола и осторожно выглянул. Буря на миг улеглась, и обзор улучшился. Он оценил набегавшие волны и лежащую в сотне ярдов от берега туманную желтую линию — длинную, очень длинную намывную отмель, тянувшуюся вдоль пустынного, напрочь лишённого гаваней английского побережья, открытого всем водам и ветрам.

Мерла снял с частокола пригоршню мха, подбросил и проследил за направлением полета. На его изможденном лице медленно проступила мрачная улыбка.

Викинги — великие мореплаватели, но им не повезло с подветренным берегом при убийственном шторме. Их дело пропащее, если только не уляжется ветер или не вмешаются языческие боги из Валгаллы. Тем, кто на кноррах, больше не видать ни Ютландии, ни Вика.

Спустя два часа пятьдесят мужчин собрались южнее Хеда на северном конце длинной-предлинной, без единой бухты, полоски суши, которая уходила к Сперн-Хеду и устью Хамбера. Они были снаряжены для боя: кожаные джеркины и шапки, копыя, деревянные щиты; несколько плотницких топоров, которыми мастерили дома и лодки; там и тут виднелись саксы — короткие мечи, подарившие имя народу, населявшему юг. И только у Годвина были

металлический шлем и кольчуга, а к поясу крепился меч с латунной рукоятью.

В обычном случае эти люди, входившие в береговую охрану Бридлингтона, не рискнули бы отражать атаку закаленных воинов Дании и Норвегии. Они пустились бы наутек, прихватив пожитки и жен. А после ждали бы конных рекрутов, танов Нортумбрии, которые по долгу вступят в бой, за что и раздадут им поместья и барские дома. Ждали бы в надежде поучаствовать в травле поверженного врага и разжиться трофеями. У англичан не было такой возможности со времен битвы при Окли. А та случилась четырнадцать лет назад, на юге, в чужом королевстве Уэссексе, где творились всякие чудеса.

Тем не менее настроение людей, высматривавших кнорры, было спокойным и даже бодрым. В береговой охране почти все были рыбаками — знатоками Северного моря с его чудовищными приливами, непредсказуемыми течениями, туманами, штормами и вообще худшей погодой на свете. По мере того как прояснялось и корабли викингов безжалостно сносило к берегу, до каждого доходило то, что успел понять Мерла. Викинги обречены. Осталось лишь наблюдать за их тщетными попытками спастись. И не потерпят ли они крушение до того, как придут конные рекруты, вызванные Годвином несколькими часами раньше, — блистательные в своих доспехах, ярких плащах и с позолоченными мечами. После чего, как рассудили рыбаки, их шансы на достойную добычу будут ничтожны. Разве что запомнить место и после тайно пройтись по нему железными крючьями?.. Те, что стояли в тылу, негромко переговаривались, время от времени звучали приглушенные смешки.

— Смотри, — объяснял деревенский рив¹ Годвину, стоявшему в первом ряду, — ветер юго-восточный. Если под-

---

¹ Представитель английской королевской власти на местах; также управляющий средневековым имением.

нимут парус, то смогут пойти на запад, север или юг. — Он быстро начертил на мокром песке. — Если на запад, то врежутся в нас. Если на север — в Хед. Понимаешь, коли им удастся миновать Хед, откроется путь на северо-запад, до самого Кливленда. Вот почему они пытались развернуться час назад. Уйти на несколько сот ярдов в море — и они спасены. Но они не знают о течении, а мы-то знаем. Оно дьявольски сильное, так и несет мимо Хеда. Они могут с тем же успехом грести своими... — Рив замолчал, боясь чересчур распустить язык.

— Почему они не идут на юг? — резко спросил Годвин.

— Пойдут. Они пробовали свернуть, пытались встать на якорь. Я думаю, их главный — его называют ярлом — понимает, что команда измучена. Ночка, поди, выдалась еще та. А утром ошалели, когда увидели, куда их занесло. — Рив покачал головой, испытывая некоторое профессиональное сочувствие.

— Не такие уж они хорошие моряки, — удовлетворенно заявил Годвин. — И Бог против них, проклятых язычников, осквернителей церквей.

Позади раздался возбужденный гул, помешавший риву сболтнуть лишнее. Оба оглянулись.

На тропе, тянувшейся за линией прилива, появился конный отряд в дюжину душ. «Рекруты? — подумал Годвин. — Таны из Беверли?» Нет, танам никак не успеть. Небось, еще только седлают коней. Однако предводитель был из благородных. Здоровый, крепкий, белокурый, с ярко-синими глазами и статью человека, который никогда не возделывал землю ради пропитания. Под дорогой алой накидкой, на пряжках и на вершии меча сверкало золото. Рядом сидела в седле его уменьшенная младшая копия — несомненно, сын. А с другого боку еще один юнец — высокий, с воинской выправкой, но смуглый и бедно одетый: в рубаху и шерстяные портки. Грумы держали под

уздцы коней полудюжины лучше вооруженных, опытных мужей — то была свита, личный отряд богатого тана.

Незнакомый вожак поднял пустую ладонь.

— Мы не знакомы, — сказал он. — Я Вульфгар, тан восточных англов короля Эдмунда.

Толпа зашумела — заинтересованно, но на грани враждебности.

— Вы спросите, что я тут делаю. — Он указал на берег. — Я ненавижу викингов. Знаю о них, как мало кто иной. И как мало кто иной сожалею об этом. На моей родине, в Норфолке за Уошем, я возглавляю береговую охрану по приказу короля Эдмунда. Но мне давно стало ясно, что нам не избавиться от этих подонков, покуда мы, англичане, сражаемся порознь. Я убедил в этом моего короля, и он снесся с вашим. Они условились, чтобы я поехал на север и побеседовал с мудрецами Беверли и Эофорвика насчет дальнейших действий. Сегодня ночью я заблудился, а утром встретил ваших посыльных, спешивших в Беверли. Я прибыл на помощь. — Он помолчал, затем осведомился: — Согласны ли вы?

Годвин медленно кивнул. Мало ли что наплел неотесанный рив — викинги могут добраться до берега. И если эта орда высадится, вооруженный отряд придется очень кстати.

— Добро пожаловать.

Вульфгар кивнул с подчеркнутым удовлетворением.

— Я один поспел вовремя, — заметил он.

В море же разыгрывался предпоследний акт драмы. Один кнорр обогнал другой на пятьдесят ярдов — команда либо устала, либо меньше слушалась шкипера. Теперь ей предстояло поплатиться за это. Судно развернуло, голая мачта страшно накренилась. Наблюдатели вдруг увидели, как желтая полоса подводной отмели очутилась за корпусом. Лежавший на палубе экипаж вмиг очутился на ногах и заполошно забежал, хватаясь за весла и тыча имя за

борт в попытке отвести судно и выгадать еще несколько минут жизни.

Слишком поздно. Поняв это, викинги издали отчаянный вопль, слабо донесшийся через воду; на берегу англичане вторили возбужденным гулом. Пошла волна, огромная, седьмой вал, который всегда выкатывается на берег дальше других. Внезапно кнорр вознесся на этом валу, накренился, и бочки, ящики вперемешку с людьми посыпались в подветренные шпигаты. Затем волна ушла, и кнорр звучно обрушился на плотный песок и гальку. Настил разлетелся, мачта запуталась в такелаже; на миг обозначился человек, отчаянно вцепившийся в узорный нос, имевший вид дракона. Потом все накрыла очередная волна, а когда схлынула, остались лишь плавающие обломки.

Рыбаки кивнули. Некоторые перекрестились. Добрый Господь рано или поздно подвергнет их той же участи, если уберезет от викингов. Они погибнут по-мужски, с холодной солью во рту, с кольцами в ушах — надо же расплатиться с милосердными незнакомцами за свое погребение. Теперь искушенному капитану осталось испробовать только одно.

Экипаж уцелевшего судна так и решил: не дожидаться гибели и прорываться на юг при ветре на траверзе, забирая по возможности на восток. За рулевым веслом вдруг возник человек. Даже за два фарлонга наблюдатели различили его рыжую бороду, ходившую ходуном, пока он яростно выкрикивал приказы, чьи отголоски далеко разлетались над водами. Люди держались за снасти, выжидая. Обрывок паруса взмыл, мгновенно поймал ветер и надулся. Судно неумолимо поволокло к берегу; последовали новые приказы, рея развернулась, и корпус накренился по ветру. Через несколько секунд кнорр прочно лег на новый курс, набирая скорость и широко рассекая воду; он мчался от Фламборо-Хеда по направлению к Сперн-Хеду.

— Уходят! — вскричал Годвин. — По коням!

Он отшвырнул груга, вскочил в седло и припустил галопом. Вульфгар, приезжий тан, отставал лишь на пару шагов, а свита обоих предводителей беспорядочно растянулась. Задержался только смуглый малый, прибывший с Вульфгаром.

— Ты не спешишь, — заметил он неподвижному риву. — Почему? Не хочешь их догонять?

Рив ослабилась, нагнулся, взял щепотку песка и подбросил в воздух.

— Пусть попробуют спастись, — молвил он. — Больше-то делать нечего. Но далеко они не уйдут.

Повернувшись кругом, он велел двум десяткам мужчин остаться и осмотреть берег — нет ли среди обломков выживших. Другие двадцать снялись с места и устремились за танами. Остальные, сбившись в кучу, целеустремленно затрусили вдоль берега за уходившим судном.

Через несколько минут даже неопытным морякам стало ясно то, что рив понял сразу. Шкиперу викингов не суждено было выиграть в этой схватке. Он уже дважды пытался направить судно в море, и двое присоединились к рыжебородому у рулевого весла. Остальная команда разворачивала рею, покуда снасти не застонали на ветру. Оба же раза огромные волны беспощадно накатывали на носовую часть, креня и понуждая развернуться кнорр, и корпус дрожал от мощи враждебной стихии. И вновь шкипер пытался установить судно параллельно береговой линии, прибавить ходу и сделать очередной рывок к спасительному морскому простору.

Но встал ли кнорр параллельно? Даже неискушенным Годвину и Вульфгару было теперь понятно, что положение изменилось: усилился ветер, окрепли волны и прибрежное течение не выпускало днище из своей хватки. Рыжебородый все правил веслом, все распоряжался о каком-то новом маневре, и «корабль кольцегрудый по рав-

нине волн»¹, как выразился скальд, по-прежнему продвигался вперед, но его нос поворачивался дюйм за дюймом и фут за футом, а желтая линия угрожающе приближалась, и было ясно, что вот-вот...

Удар. Только что кнорр несся стрелой, и вот он врезался носом в неподатливую гальку. Мачта мигом переломилась и рухнула вперед, задавив половину команды. Уложенные внакрой доски разошлись, впуская кипучее море. В мгновение ока судно раскрылось, как цветок. А потом исчезло; лишь обломки закачались на волнах, обозначив место, где оно только что было.

Рыбаки затрепетали от алчности: на сей раз крушение случилось довольно близко от берега! И голова видна среди мусора. Рыжая голова.

— Никак хочет выплыть? — спросил Вульфгар.

Теперь человека было хорошо видно. Он находился в пятидесяти ярдах, держался смирно и не пытался плыть, следя за огромными волнами, которые накатывали на берег, где разбивались вдребезги.

— Хочет попробовать, — ответил Годвин и дал людям знак, чтобы шли к воде. — Если сумеет, мы его схватим.

Рыжебородый решил и поплыл вперед, рассекая воду мощными взмахами рук. Он видел, что его настигает огромный вал. Вот море подняло викинга и швырнуло к берегу; он вытянулся на подъеме волны, словно надеялся воспарить и приземлиться, как невесомая белая пена, которая подобралась почти вплотную к кожаным сапогам танов. Десяток махов — и вот он здесь; наблюдатели запрокинули головы, следя, как пловец возносится на самый гребень. Затем волна, бежавшая впереди, отступила и пресекла его продвижение великим водоворотом песка и камня; гребень распался, низверг рычащего человека, покатило его, беспомощного. Отступая, вода потащила рыжего назад.

---

¹ «Беовульф». Перев. В. Тихомирова.

— Взять его! — заорал Годвин. — Шевелитесь, хороняки! Он вас пальцем не тронет!

Два рыбака бросились в волны, подхватили бородача под руки и понесли. Викинг бессильно висел промеж них.

— Живой, — удивленно буркнул Вульфгар. — Я думал, волна сломала ему хребет.

Ноги рыжебородого коснулись земли. Он огляделся; увидел, что подступило восемьдесят человек, и вдруг оскалил белоснежные зубы.

— Надо же, какой прием, — хмыкнул бородач.

Он повернулся, удерживаемый своими спасителями, уперся краем ступни одному в голень и приналег всем весом до упора. Рыбак взревел и выпустил мускулистую руку. Та моментально описала дугу, и пальцы погрузились в глазницы второго, который еще держал. Тот тоже завопил и упал на колени, между пальцами хлынула кровь. Викинг выхватил из-за пояса тесак, шагнул вперед, сграбастал ближайшего англичанина одной рукой и распорол его до горла другой. Когда товарищи рыбака с криками отшатнулись, викинг вцепился в копьё, метнул нож и выхватил из руки упавшего сакс. Сердце едва ударило десять раз с того мгновения, как ноги рыжего коснулись земли, а он уже в центре полукруга мужчин, которые пятились прочь, кроме тех двоих, что остались лежать.

Он вновь показал зубы, с диким хохотом запрокинув голову.

— Давайте! — воскликнул он гортанным голосом. — Я один, вас много. Сразитесь с Рагнармом. Кто самый смелый? Ты будешь первым? Или ты? — Он ткнул копьём в сторону Годвина и Вульфгара, которые теперь стояли отдельно, разинув рты, тогда как рыбаки продолжали отступать.

— Придется нам его успокоить, — пробормотал Годвин, извлекая меч. — Жаль, нет щита.

Вульфгар присоединился к нему, оттолкнув белокурого паренька, что стоял в шаге позади.

— Уйди, Альфгар. Мы обезоружим его, а деревенщина добьет.

Два англичанина шагнули с мечами наголо к викингу; ослабев, тот поджидал по щиколотку в кровавой воде.

Затем вдруг устремился в атаку с быстротой остервеневшего вепря. Растерявшийся Вульфгар отпрянул и оступился. Викинг промахнулся левой рукой, но изготовил правую для убийственного удара.

Что-то свалило его с ног и потащило назад. Он отчаянно сопротивлялся, силился высвободить руку, кувыркаясь на мокром песке. Рыбацкая сеть. Рив и еще двое прыгнули вперед, ухватились за просмоленные веревки и затянули. Один выхватил из руки запутавшегося викинга сакс, второй что было силы топнул по пальцам, сжимавшим копьё, сломал и кости, и древко. Беспомощного Рагнара спеленали быстро и ловко, как морскую собаку или сельдиевую акулу, после чего рыбаки выпрямились и стали ждать распоряжений.

Вульфгар переглянулся с Годвином и подошел хромя.

— Ну-ка, кого это мы выловили? — проворковал он. — Что-то подсказывает мне: это не простой шкипер, которому изменила удача.

Он осмотрел и пощупал одеяние пленного.

— Козлиная шкура, — объявил Вульфгар. — Просмоленная козлиная шкура. Он назвался Рагнаром. Мы схватили самого Лодброка. Рагнара Мохнатые Штаны.

— Не нам с ним разбираться, — произнес Годвин среди общего молчания. — Нужно отправить его к королю Элле.

Вмешался смуглый малый — тот, что расспрашивал рива.

— К королю Элле? — переспросил он. — Я думал, Нортумбрией правит Озберт.

С утомленной учтивостью Годвин повернулся к Вульфгару.

— Не знаю, как вы воспитываете своих норфолкцев, — заметил он. — Но брякни такое мой человек, я вырвал бы ему язык. Конечно, если он не из твоей родни.

Костяшки пальцев Вульфгара побелели на рукояти меча.

В темной конюшне никто не мог видеть смуглого юношу. Он уткнулся лицом в седло и обмяк. Спина горела огнем, заскорузлая от крови шерстяная рубаха причиняла боль при каждом движении. Никогда еще его не избивали так сильно, а доставалось ему часто, очень часто — и ремнем пороли, и веревкой хлестали, перегнув через лошадиные ясли во дворе дома, который он называл своим.

Юноша знал, за что наказан: за слова о родстве. Он надеялся, что чужаки не слышали его воплей. Под конец парень лишился дара речи. Сохранилось мучительное воспоминание о том, как он выполз на божий свет. Затем долго ехал через Уолдс, пытаясь держаться прямо. Что хорошего в Эофорвике? Легендарный город, обитель давно ушедших, но по-прежнему загадочных римлян и их легионов, воспламенял его живое воображение больше, чем победные песни менестрелей. И вот он здесь, но все, чего ему хочется, — бежать.

Когда же он избавится от отцовской вины? От ненависти отчима?

Шеф взял себя в руки и потянул за тяжелые ремни, растегивая подпругу. Он был уверен, что вскоре Вульфгар переведет его в настоящие рабы, с железным ошейником, и, презрев жалкие протесты матери, продаст на рынке в Тетфорде или Линкольне за приличные деньги. В детстве Шефа тянуло к деревенской кузнице — там он скрывался от оскорблений и побоев. К тому же его привлекал огонь, да и нравилось помогать кузнецу — раздувать меха, держать клещи, лупить молотом по заготовке. Ковать свои собственные орудия. Собственный меч.

В рабстве обо всем этом придется забыть. Возможно, сейчас самое время податься в бега. Невольникам иногда удавалось скрыться. Чаще не удавалось.

Он снял седло и осмотрелся в незнакомой конюшне — куда бы положить? Дверь отворилась, выпустила свет, за ним — свечу и знакомый холодный, пренебрежительный голос Альфгара.

— Еще не закончил? Бросай все, я пришлю грума. Отца призвали на совет с королем и важными особами. Ему нужен слуга, чтобы подливал эль. Мне это не с руки, а его свитские слишком горды. Ступай, живо. Тебя ждет королевский тан-камергер. Он скажет, что делать.

Шеф, слишком обессиленный, чтобы идти прямо, выбрался в сумерки весеннего вечера и поплелся во двор королевского дворца — величественного деревянного здания, построенного за старинным римским крепостным валом. И все же в сердце зародился жар волнения. Совет? Важные особы? Они будут решать судьбу пленника, могучего воина. Найдется что рассказать Годиве — такого в Эмнете не знает ни один умник.

— И помалкивай, — прошипели ему вслед из конюшни. — Иначе и впрямь останешься без языка. И еще запомни: сейчас король Нортумбрии — Элла. И ты не родня моему отцу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга 1. ТРЭЛЛ	7
Книга 2. КАРЛ	169
Книга 3. ЯРЛ	349

Гаррисон Г., Холм Дж.

Г 21 Молот и крест : роман / Гарри Гаррисон, Джон Холм ; пер. с англ. А. Смирнова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 544 с. — (Мир приключений).

ISBN 978-5-389-19098-6

Год 865-й. Британскими островами правят враждующие короли, а королями правит Церковь, беспощадно расправляясь со всеми, кто оспаривает ее власть. Только грозные викинги не страшатся христианских иерархов и крепко держатся за свою веру.

Молодой кузнец Шеф, рожденный знатной английской пленницей от вождя разбойников-северян, волею судьбы — а может быть, волею языческих богов — становится врагом собственного народа. Таинственный наставник, являющийся в видениях, помогает ему создавать ранее невиданное оружие. Но этого мало, чтобы одерживать победу за победой; главные союзники Шефа — его отвага и изобретательность. Шеф собирает по крупицам собственное королевство и начинает тотальную войну — войну Молота и Креста.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

ГАРРИ ГАРРИСОН, ДЖОН ХОЛМ
МОЛОТ И КРЕСТ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Елена Терскова, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 02.02.2021. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 34. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

И-MPR-27791-01-R